

Наталья Ильинична Арбузова

Тонкая нить

сборник

Серия «Самое время!»

В 2008 году вышла книга Натальи Арбузовой «Город с названием Ковров-Самолетов». Автор заявил о себе как о создателе своеобразного стиля поэтической прозы, с широким гуманистическим охватом явлений современной жизни и русской истории. Наталье Арбузовой свойственны гротеск, насыщенность текста аллюзиями и доверие к интеллигентному читателю. Она в равной мере не боится высокого стиля и сленгового, резкого его снижения.

Автопортрет на фоне времени

Поэма в прозе

1. Пролог

Здесь на переднем плане все время будет моя физиономия, но иной раз лезут в кадр и другие лица, тоже довольно нахрапистые. Я их пропущу вперед, чтоб не толкались. Так вот, у моего второго по счету мужа дед был крестьянин Курской губернии. Его раскулачили, когда всех раскулачивали, и выслали. А доперез того он считался бедняком, и в восемнадцатом году ходил пешком за много верст на съезд деревенской бедноты. Сохранилась выпцветшая групповая фотография с этого съезда, и в то второе царствование я не раз держала ее в руках. На обороте корявым почерком было написано: «Этот снимок сделан тогда, когда мы пытались построить жизнь братскую и любовную». Так один-единственный разочек, на короткую минуточку улыбнулась мне задумчивой андрей-платоновской улыбкой страшная наша история. Это присказка, а сказка – сказка дальше пойдет.

2. Что я делала во время штурма Белого дома в 91-м году

На работе в тот день толку было не добиться, все бежали вон, и ворота были настежь. На пожарном щитке висела недоворованная лопата. Я взяла ее на плечо и отправилась в Купавну на свою четвертушку дачи корчевать пни. Пока я шла до соседней столовой отоваривать даровые обеденные талоны, убегающие сотрудники наперебой спрашивали меня, не защищать ли Белый дом я собралась. Я отвечала бойко: «Ну конечно, они на нас с саперными, а мы на них со штыковыми».

Тут скоро я заметила, что моя лопата – такая же туфта, как и всё советское. Хорошую давно скрали, а эта была ржавая, надломленная и красной краской крашенная аки гроб повапленный – не лопата, а сущая аллегория советского строя. Я переломила ее сильной рукой, приговаривая: «Так-то вот...» На этом я отвела душу. Обходя старую шуховскую радиобашню, под которой родилась, я еще раз отвела душу, прицепившись к молодому солдату, сидевшему в бэтээре с несчастным лицом: «Сынок, что ж это ты против своих!» Бедняга отворачивался, а я прытко бегала кругом бэтээра и всё заглядывала ему в глаза. Зашла за хлебом – на булочной висела листовка. Вздела очки, прочла ее от доски до доски.

В электричке мест не было, но рядом с единственным в вагоне офицером никто не садился. Вскоре я уже корчевала пни походным топором и лопатой не менее ветхой, чем недавно мною преломленная, вычитывая себе вслух:

Счастлив, кто посетил сей мир
В его минуты роковые —
Его призвали всеблагие,
Как собеседника на пир.

Он их высоких зрелищ зритель,
Он в их совет допущен был
И заживо, как небожитель
Из чаши их бессмертья пил.

3. Что делал в это время мой сын Митька

За полгода или поболее до этого события Митька, похоже, заходил на какие-то инструктажи и заговорил, что вот де будет штурм Белого дома, надо будет его защищать. Я поняла, что противостоянье готовится с обеих сторон, и сказала кратко: «Только не клади за это жизнь – ни на той, ни на другой стороне нет абсолютной правоты». Однако ж вышло так, что применить на практике полученные знания Митьке не пришлось. Во время «Ч» он был в деревне с женой и четырьмя детьми, да сватья моя гостила у них, как нельзя более кстати. Митька на сеновале слушал голоса и порывался серед ночи пешком уйти за десять верст на станцию Ветлужская, но теща не дремала и, глядишь, обошлось. Когда всё более или менее благополучно закончилось, я перекрестилась широким крестом, что вообще отделались малой кровью и что Митька своих четверых детей не осиротил. А того не знала, что большая кровь еще впереди.

4. Что говорил тогда мой сын Андрей и что я ему отвечала

Он сказал: «Если, конечно, они здорово пугнут, тогда конечно». Я напустилась на него: «Не бывать этому! Бьюсь об заклад головой и при советской власти в любом случае больше не жить не буду». Как скоро всё закончилось, на улицах были сплошные улыбки, а я злорадно цеплялась к Андрею: «Ну что, пугнули они? А теперь их самих пугнут, этих Пуго. Уж министру обороны за танки против толпы точно будет расстрел». Я попала пальцем в небо: ни этому, ни следующим министрам обороны за такие штучки равным счетом ничего не было. В одном я все-таки была права: танков далеко не все люди боялись.

5. Мое имперское мышление

Не боялись танков десятилетние чеченские дети. Тут мое сердце было раздираемо противоречивыми чувствами. Земли, завоеванные генералом Ермоловым, где Иван Северьяныч под ангельским крылом горную реку переплывал и под пулями переправу наводил, я отдавать не соглашалась ни в какую. Потому и склонялась к мысли, что надо добивать раненого зверя, идущего на нас, охотников, во весь рост. Но восхищение гордым врагом, вечным врагом, никогда не замиренным, часто брало верх. Поражение же было непереносимо. Теперь вот злой чечен ползет на берег, точит свой кинжал. Бегите, русские девицы, спешите, красные, домой – чеченец ходит за рекой. И взять нечем. Бомбить больше нельзя – хватит, отбомбились. А непосредственно на пороге его дома мы его на этот раз, в этот вообще скверный для России час не одолели. Ничего, еще одолеем. Митька сразу на меня окрысился: «А жизнь Мишки ты согласна за это положить?» Мишка – его сын, сейчас, когда я это пишу, он поступает в институт. Я тут же спохватилась: «Нет!» Так я была вконец посрамлена вместе со своей семьей и своим народом.

Лет пятнадцать тому назад я, сердясь на эстонцев, говорила: «Советская власть не вечна, а от России вам еще попадет». Во мне есть немецкая дворянская кровь тех мест – я одним боком из «остзейских», и мне под Ревелем генетически уютно. Я всегда думала в простоте, что об этих землях могут спорить с Россией ну Германия, ну Швеция, а эстонцы вроде как ни при чем. Ворчала: «Вас Петр как завоевал, так никто вас еще назад не отвоевывал». Митька, у которого тоже есть свои убеждения, меня корил.

Ну хорошо, читатель, а зачем же насильно заставлять людей учить эстонский язык? Ты сначала создай великую культуру, тогда твой язык будут учить, еще и деньги будут платить. Однажды я слыхала, как эстонец с латышом нехотя объяснялись по-русски. А по-немецки они не знали. Я очень смеялась.

6. Паче чаяния

Насчет того, что советская власть не вечна, это я говорила для красного словца. Я сама в свою болтовню не верила и другой раз убеждала людей, держа за пуговицу, что процесс национализации необратим. Когда она, советская власть, приказала долго жить, я стала спрашивать Митьку, ждал ли он этого, надеялся ли увидеть своими глазами. Он честно отвечал, что не ждал и не надеялся. И я не ждала. Глядела, как привычно шарит по экрану прожектор перестройки, и ворчала: «Перестройка, перестрелка... Перестрелка за холмами, виден лагерь их и наш». Вдруг повеяло воздухом, будто форточку открыли в камере, набитой ээками. Интонация с экрана сменилась. Я сделала стойку.

А кто это у нас пел: «Пе-ре-мен! Пе-ре-мен!». Первым делом на работе мне снизили зарплату. Я сказала: «Пускай! Согласна камень на горе бить, лишь бы она сдохла». Готова была все отдать на сожжение в жертву за нечаянную радость. Однако платить пришлось больше малосмысленным, не взыскующим свободы людям, ничего взамен не получившим.

Она умерла сама в ранней, но отвратительной, маразматической старости, будто наступила уж не биологическая смена руководства, а биологическая смена строя. Смердит ее левиафанья туша, и бьют нас жестокие лихорадки.

Я приступала к любимой невестке Ленке, носящей у меня прозвище «крестненькая», и не без основания: «Ненавидели мы советскую власть?» – «Ненавидели», – отвечала с присущей ей прямоотой. – «Хотели ей гибели?» – «Хотели», – вздыхала она. – «Значит, теперь должны барахтаться и выплыть!» На том и порешили.

7. Плохие шутки с будущим

На работе мы занимались конечно же туфтой. Писали на последние годы пятилеток планы по добыче нефти, якобы посчитанные с помощью сложной математики, а на самом деле спущенные нам сверху. У меня и язык без костей наболтался, и шkodливая рука привыкла писать в пустографах: «1980, 1985, 1990...». Но сколько веревочке ни виться, а конец бывает. И вот он пришел, этот 1990-й. Мой бог, как же он был страшен! Взглянув в его жестокое лицо, я возопила в стыде и отчаянье: «Вот нам наши блудливые игры с будущим! Вот нам наши туфтяные перспективные планы!»

За несколько лет до этого апокалиптического 1990-го я ораторствовала перед пустым магазином сантехники на Кутузовском проспекте, обращаясь к слесарям. Те продавали на улице краденые краны, выданные им для бесплатной установки жильцам их участка. Я кричала: «Мужики! все разворуете, все распродадите, а как нечего станет воровать, ужo меня вспомняете!» И вот час расплаты настал. Все было раскрадено, все съедено, все загажено. Пришло время пустых прилавокoв и неотоваренных талонов. Спившийся, скурвившийся, избаловавшийся народ бился в очередях за водкой – ее не хватало.

В магазин каждый день завозили какой-нибудь один продукт, чаще всего маргарин или майонез. Люди стояли за ним весь день и брали, сколько дают. Еще было мороженое в киосках. За ним тоже стояли – его растапливали и варили детям кашу. Я испугалась, когда пропала соль, ходила из угла в угол, бормоча:

А соли нет – хоть бы щепоть!

«Посыпь мукой», – шепнул Господь.

А на муку – слеза рекой...

Потом нашлась, повесила в подъезде объявление: «Отдаю талоны на сигареты за соль». План мой сразу же сработал. Часть талонов я всё же отоварила «Беломором». Потом его курила в дворянском собрании седая красавица – княжна Ирина Владимировна Трубецкая.

8. Что я делала во время штурма Белого дома в 93-м году

Ну, кто там у нас пел:

А с нами ничего не происходит
И вряд ли что-нибудь произойдет?

Вот уж не пророк был. Как начало с нами происходить, так не всегда и обрадуешься. Все же я люблю стрельбу и заварушку – я скорпион, а он марсианский. Дотянули мы и до 93-го года, любимого мною с детства 93-го года Виктора Гюго. Митькина семья тогда жила на задворках Арбата, на улице Рылеева. Первое побоище на Смоленской было рядом с ними. Потом вокруг них началась снайперская стрельба с крыш. Из их школ и детсадов позвонили им, чтоб детей не выпускали. Митька ходил с работы по стеночке со стороны Пречистенки, а я справлялась по вечерам, дошел ли он до дому.

Потом был штурм Останкина. Дальний мой приятель Эдик лежал там полдня на брюхе в стане атакующих и простудился на год вперед. По телевизору было не «Лебединое озеро», как в 91-м году, а страшное дежурство одной телепрограммы всю ночь в эфире. Я заснула, препоручив Богу судьбы России и своей многочисленной по нынешним меркам – аж в семь внуков – семьи. Дед мой расстрелян, отец сидел, и я хорошо понимала, что очередь за мной, моими детьми и внуками. Положи Бог камушком, подыми калачиком. Я проснулась – уже бэтэры вошли в Москву, и скоро как ни в чем не бывало поехала с квитанцией в зубах получать из перемотки мотор от стиральной машины ЗВИ (завод Владимира Ильича). Но не тут-то было.

Ехать надо было за Абельмановскую заставу. Но по Таганке шли войска, а 16-й троллейбус не шел. Я села на ограду из гнутой водопроводной трубы и стала петь себе:

Помню, я еще молодухой была,
Наша армия в поход куда-то шла.

Мимо промчался с заводской окраины грузовик под красным флагом, битком набитый рабочими. За ним поспешал автобус с людьми в серой форме. Кругом была

заварушка. Мне стало весело. Долго ли, коротко ли, пришел троллейбус. Потом мне пришлось идти по длинному загибающемуся проезду, целиком состоящему из заводских заборов и запертых ворот. Мой завод тоже был наглухо заперт, и ни души. Я нашла удобное место, перелезла через забор, отыскала нужный цех. Там куковали две женщины. Они сказали, что их не выпускают ни на обед, ни домой. Мотор мой был готов, они мне его отдали и написали гарантию. Я перекинула через забор сумку с довольно тяжелым мотором, повесив ее на смертоносный кол, долженствующий вонзиться в пытающегося перелезть, перекрестилась и полезла. Тут откуда ни возьмись отыскался охранник в камуфляже и с внутренней заводской стороны ухватил меня, сидящую верхом на заборе, за ногу. Пока кол не распорол мне брюха, пришлось слезать. Я предъявила мотор и данную мне гарантию, оправдывая свое посещение бытовой надобностью, а отнюдь не политической агитацией. Он отпустил меня, укоривши на прощанье: «В таком-то возрасте...»

9. Что делал в это время мой сын Андрей

Он уже жил тогда с женой и тремя детьми у Триумфальной арки, напротив Бородинской панорамы. Заняв с другом своим Коркиным место на мосту через Москву-реку, он глядел, раскрывши рот, как бухает артиллерия по Белому дому и как тот горит.

10. Что делали в это время купавенские жители

Прими во внимание, мой снисходительный читатель, что шел октябрь месяц. Кража капусты с совхозного поля освящена обычаем в не меньшей степени, нежели кража стаканов в столовой. Два кочна, уносимые под мышками – это считается совестью кражей в пределах личной потребности. Безземельные поселковые старухи ходили, бывало, через лес с хозяйственными тележками и квасили ведро капусты на зиму. Наглые люди приезжали на машинах и увозили многими пудами. Но никогда это воровство не было так дружно, беззастенчиво и демонстративно, как во время описываемых мной октябрьских событий. Поселок вышел в поле в полном составе. Это было похоже на соцреалистическую картину «Уборка урожая», висящую в столовой дома отдыха. Весело переключаясь, купавенские жители сняли капусту подчистую. И я там был, и мед я пил.

11. Пейзаж после битвы

Расчет купавенских капустокрадов был верен: силы правопорядка были задействованы в Москве. Их отличную работу я увидела своими глазами, приехавши в Москву через несколько дней. Народ в транспорте был побитый, в мрачных кровоподтеках, много рук на перевязи. Люди говорят, задержанных били и отпускали без выяснения личности. Бедняги были рады и тому. Убитых теперь не только не хоронили с большим шумом, как в 91-м, но и не считали. А всего неделю назад я видела, как бодро едут по нашей заводской Нижегородской ветке рабочие из Реутова, Железнодорожного (Обираловки) и Электростали, все с железными прутьями в руках. Эта дьявольская Электросталь – страшное место. Однажды я была там по делу и долго ждала электрички. С завода выползло темно-желтое серное облако, село на платформу и меня мало не убило. Еще однажды в Москве я вместо 18-го автобуса оплошно села на 19-й, заехала на Станколит и не в шутку испугалась – там было как в аду. Если бы меня ежедневно так травили, вряд ли у меня был бы кроткий нрав, если он вообще у меня кроткий. Утешимся тем, что в позднесоветский период рабочие в цехах находились эпизодически. Большую часть дня они сидели на чахлах газонах внутрив заводской территории и пили, закусывая чем бог послал.

Опять езжу я на ранних поездах по Нижегородской ветке. Рабочие аж из Петушков тащатся на «Серп и молот», занимают друг другу места, бегают курить в тамбур, играют в карты. Опохмеляются водкой, дорого продаваемой бойкими разносчицами, что ходят с утра пораньше по вагонам. На стенах заводов вдоль пути уже замазаны бранные фразы, крупно написанные в октябре: тот-то палач, тот-то предатель.

Как ни избегала я присутствовать при штурме Белого дома, судьба все же насмеялась надо мной. Позднее я ходила в Белый дом по нефтяным делам. Сходила этак раза два, а на третий – о ужас! – подхожу к нему, а с другой стороны на него и на меня прут танки. И за парашютом мечется жидкая толпа. Не скоро разглядела я, что то была массовка киносъемки. Того ради были и танки.

12. Несанкционированные

Где теперь «Макдональдс» на Пушкинской, там в горбачевские времена еще была столовая на углу. Я шла от самой консерватории, и так мои глаза были отведены, или восхищены, или удержаны тем, кто хотел мне нечто показать, что я не увидела пельменной на Герцена, или Никитской, и дошла до этого угла Пушкинской. Поевши, я было собралась выходить, а н глядь – не выпускают.

Прежде всего надо прорваться, а там уж на улице сама обнаружится причина, по которой нас заперли. Под громкие протесты поваров я прошла через кухню и вышла на Горького-Тверскую. Обогнула угол и поняла, что нахожусь внутри серьезного, в несколько рядов омовского оцепления. В торце бульвара митинговали восемь-девять человек. Как мне потом объяснили, это был мини-митинг Валерии Новодворской. Против них были выдвинуты силы человек в 120 серых беретов. Стояло каре из автобусов. Я подошла ближе, вспрыгнула на каменный бордюр и побежала по нему – поглядеть вплотную. Но ближайший омовец сдернул меня вниз за голенастую ногу. Тогда я стала медленно ретироваться, не делая резких движений, лицом к митингующим, спиной к автобусам. Омовцы частью остались в оцепление, а иные подошли к митингующим по шесть-семь человек на брата. Окружили каждого и отсекали, как белые кровяные тельца микроб. Стали без применения рук теснить к автобусам. Возле автобусов уже применили руки, то есть попросту затолкали внутрь. Я той порой беспрепятственно прошла все линии оцепления и благополучно удалилась. Видно, всех, кого велено было брать, они знали в лицо.

Один немец говорил по телевизору: «О, мне жаль этого человека – Горбачева! Он дал всем свободу, и все его топчут». Мне тоже его немного жалко, хотя жалко у пчелки, как говорили у нас в советской школе.

13. Неуязвимая стратегия

Да будет вам известно, если до сих пор вы этого не знали, что в советское время посещение политзанятий на работе было обязательным. За один прогул вызывали в дирекцию. Лично я приладилась так. Занятия проходили в пристроенном к зданию актовом зале с двух дверей: одна в здание, другая, заложенная извне засовом – во внутренний двор. Ее я загодя открывала и подпирала пустым ящиком. Через нее я потом ускользала, отметившись в журнале, и аккуратно задвигала засов. Стратегия моя работала без единого сбоя в течение двенадцати лет, вплоть до перестройки.

14. Бесы

КГБ оприходовал меня в 77-м году. Сотрудница 1-го отдела вызвала меня в свой вертеп и велела идти якобы в райком партии, к которой я никакого касательства не имела, рассказать о работе отдела. Я укрылась в кабинете нашего вполне человекообразного замдиректора Кузьмина и сказала ему, что без его приказа никуда не пойду. Он побежал выяснять, откуда ветер дует. Пришел смурной и говорит – надо. Послали меня на улицу Бахрушина, близко обожаемого мною со школы Бахрушинского музея. Никакого райкома там не было, а был запертой подъезд со звонком. Мелкий бес стал спрашивать, кого я знаю из посетителей Киселевки – позднее сожженной КГБ нелегальной дачи в Коктебеле безногого художника Юрия Иваныча Киселева. Я тут же вспомнила, что в мае туда явилась будто бы паспортная проверка и переписала паспорта – мой и еще двоих его гостей. Я сказала, что знаю только вот этих двоих, и дала в том подписку. Дальнейший полуторачасовой разговор шел по схеме «говорю я ей про птичку, а она мне про пальто». Он мне о политических разговорах на Киселевке, а я ему о том, что продавцы нарочно режут пополам батон колбасы, покупаемой приезжим, чтобы возбудить недовольство в провинции. Так мы и расстались, бесенок с колбасой в зубах, а я с сильным беспокойством за судьбу Киселевки, которое вскоре оправдалось.

Другой мелкий бес пришел ко мне на работу, чтобы я снова не подняла шуму. Он пытал меня, кто бы это из наших однокурсников мог посетить в Вермонте Наталью Дмитриевну Солженицыну, учившуюся со мной в одной группе. Я сказала, что ума не приложу. Больше они не приходили, не к ночи будь помянуты. Однако ж слухом земля полнится, и вскоре молодой сотрудник, получивший вызов на Бахрушина, пришел со мной советоваться. Он был неловок в ответах, и его таскали год. А я его всякий раз приуговаривала, что можно сказать безопасно для других. Через год мы уже советовались вчетвером, сидя на гимнастических брусьях – все, кого таскали из нашего института, – и смеялись: «Карбонарии!». Это были не такие уж страшные времена. Меня зацепило пулей на излете.

15. Москва – Петушки

Когда Веню Ерофеева вызывали в КГБ, ему пришлось доказывать, что мысли его лирического героя и его собственные не обязательно совпадают. Ведь писал же Бунин: «Я простая девка на баштане». Но мы-то знаем, что он не девка и отнюдь не прост. Если же меня начнут когда-нибудь таскать в КГБ, уж как там оно тогда будет называться, за эту мою книгу, то мне так блестяще отвертеться не удастся – она шита белыми нитками.

По своей Нижегородской ветке Курской дороги ездит со мной тень покойного друга Венички, каким лежал он на диване в последний свой год – с больным горлом, разрезанный, завязанный, худой и непривычно ласковый напоследок. Долгие годы он сердился, что я к нему хожу не по чину, без бутылки. Потом уж я махнула рукой его беречь и стала носить что положено. Он на радостях подарил мне книгу стихов Батюшкова, до коего был большой охотник, с надписью: «Наташе в знак окончания многолетних недоразумений». И вот я считаю станции, главы его книги, и вся меня окружающая, его отпустившая жизнь – ходячее недоразуменье. По-прежнему на обеих дверях тамбура нацарапано одно и то же вечное краткое слово. И книжка Батюшкова у меня намертво, а мою «Сагу об Иёсте Берлинге» он когда-то обменял на бутылку пива.

Конец ознакомительного фрагмента.
Для приобретения книги перейдите на сайт
магазина «Электронный универс»:
e-Univers.ru.